

ОЛИМПИАДА-80

Лето... Солнце... Ощущение... В наглухо замкнутом городе похмельные люди мечутся в обретении вчерашнего статус кво. Маруся, Роза и Рая бредут в пивную, рассуждая об относительности всего сущего. В том числе и о тщетных попытках укротить их бессмертные души. Вчера, еще вчера, мильтоны взяли сестренку, посадили на рязанскую электричку, и отправили вон из столицы.

- Ха-ха-ха, - саркастически проговаривает Рая, - в глушь, в Саратов, как бы не так...Нет, ну ты возьми с меня подписку, чтобы я со спортсменами не работала. Ну и все. Так нет, надо обязательно карательные методы применить, а вот теперь я уж точно всем этим физкультурникам бесплатно давать начну. Олимпиада. И что теперь, жизнь кончилась, что ли? Здрасьте, я ваша Настя. Да меня, когда подлодки под лед уходили, мореманы травили, что курс на Полюс, и меня тогда весь Северный флот... Я же не кричу об этом на каждом углу. Деморализуем дебилов, девочки?!
- Не говори красиво...Засранцы они все, а не дебилы. Рекорды бьют...Господи, боже правый, тоска-то какая! Спортсмены - они не люди. Они звери! Да. Они звери, господа. И я предлагаю, без суеты, да просто бойкотировать эту долбаную Олимпиаду. Маруся! Роза! Рая!
- Да век свободы не видать. - Сдержанно говорит Маруся. - Но эти чмошники вообще-то боятся за иностранцев. Интересно, Валерио уже в раю? То бишь, уже хватанул пару кружек? Вчера он был первым! Идем быстрее. Лето. Лето - то какое!

Тишина. Вымер город, слава тебе Господи. Олимпиада навела порядки. Леонид Ильич Брежнев, выпив припасенную с вечера последнюю порцию утреннего чая, спросил помощника: «Ты не забыл?» Помощник в очередной раз немного посидел, и сказал « Как можно, мой генерал?»

- Не генерал. Не генерал, - раздраженно сказал пока еще похмельный генсек.
- Как можно, маршал? - Обиженно закричал помощник.
- Не ори, - поморщился Леонид Ильич, - Виктория где?
- Ушла на легкую атлетику.
- Галина?
- С ней, как всегда, проблемы. С утра сидит на толчке, не вставая.
- Ну что еще? Опять океан шампанского.
- Ну, не без него. Но сегодня не в этом дело. Вчера, выпивая седьмой...нет, восьмой бокал, проглотила брюлик, 18 каратов. Очередной хахаль положил, и забыл сказать. Вот теперь пыхтит, старается...(Смеется).
- Ты это...
- Виноват, товарищ Генеральный секретарь!

- Ох, не ори. До обеда пропыхтит?
- Думаю, да.
- А говоришь – проблемы. До обеда можем жить спокойно. Что в стране? В мире? В Москве?
- А везде Олимпиада.
- Операция «Олимпиада», - со значением говорит генсек, - а Виктория где? Ах, да... Ты не забыл?
- Пивная в Северном Тушино, на улице Свободы?
- Председатель доложил?
- Андропов спит. Он же не пил вчера, почки.
- Урод. Выведи картинку на монитор.

Девчонки идут к пивной. На углу Свободы и Химкинского бульвара стоит обиженный мильтон. На руке у него лежит плотный мужчина. Милиционер одет в серый плащ с капюшоном. Он одинок, и ему очень плохо. Девочки приближаются к нему. Леонид Ильич глядит на них, и, не отрываясь от экрана, говорит: «Где пиво, генерал?»

- Генерал-полковник, экселенц. Вот пиво.

Он открывает крантик, и подставляет кружку. Подает напиток Брежневу. Тот смотрит на картинку, пригубляет, и тихо ненормативно кричит: «Какой ты на хер генерал-полковник? Ты генерал-лейтенант, в крайнем случае! Это же бордо»!

- Едрена мать, Леонид Ильич! Девятка промахнулась. Опять краны перепутали.
- Беги, генерал, за пивом. Тебе и жить-то осталось минут пять. Если не принесешь...
- Как не принесу?! Следите за картинкой, экселенц.
- Не учи ученого, - ворчит генсек.

Девочки поравнялись с милиционером. Он молит о чем-то гуманитарном.

- Девочки! Проституточки! Рятуйте, люди добрые! Позвоните 02, расскажите обо мне оперативному дежурному по городу.
- Доброго дурака нашли, - смеется Леонид Ильич, - могут же, когда хотят. Пиво. Где пиво!?

Появляется помощник с запотевшим пльзенским. Леонид Ильич махом выпивает бутылку и награждает генерала орденом Боевого Красного знамени. Они пьют пиво и наблюдают за происходящим на мониторе.

Девчонки смеются. Никогда, никогда они не наберут этот бесовской номер. Век воли не видать. Мимо проходят на цыпочках мужчины - марафонисты. Они бегут марафон.

- Так и будут херами меряться две недели, - ворчит одна из подруг.
- Вон тот, негр, впереди. Вчера 200 долларов подарил. Завтра, говорит, дистанция, нельзя. Этим делом ему, значит, нельзя, а нюхать можно. Я тоже вставилась. За кумпанию. А сегодня уже кого -нибудь за 300 найду. А как еще! Конкуренция, слава Богу, хоть на две недели появилась. Так что помалкивай, подружка. Где же кружка...

Милиционер не выдерживает испытания. Он бросает мужчину на асфальт, и уходит быстрым шагом.

Он все время повторяет: «Да что ж мне, всю жизнь этого алкаша держать»... Один из добрых ангелов говорит: «Надо отдать его Люциферу».

— Не вопрос.

Бедный милиционер тут же попадает под грузовик, в кузове которого проезжают мимо метатели - женщины. А, может быть, они мужчины. Но вопрос не принципиальный. Вот зачем Ван Гог отрезал себе ухо? Вот вам задачка на все времена.

- А Гогену надо было яйца отрезать. Тогда бы он был добрее к туземкам. - Говорит одна из девочек. Кажется, Рая.
- Ну да. Ваське Шмаровозу отрезали. Вот он и лютует, как зверь ненасытный. Лучше бы уж как прежде, по морде, деньги взял, бери меня, мой господин, играй, чарующий чардаш...

Девочек догоняет брошенный мужчина. Он останавливает их и начинает церемонно представляться: Михаил Горбачев, комбайнер, говорит он одной. Николай Климонтович - другой. Сергей Гандлевский и Тимур Кибиров - третьей. Девочки млеют, рдеют, и, как одна просвещенная журналистка из «Комсомольской правды», Инкогнито их фамилия, начинают опасаться. А вдруг...

- Вдруг только кошки родятся, - менторствует Горбачев.
- Против часовой стрелки, обязательно, таков непреложный вектор вечности, - осторожно добавляет Климонтович.

Гандлевский с Кибировым шупают девок и помалкивают.

Хотя, если рассматривать ситуацию не предвзято, права-то была эта, Инкогнита, из «Комсомолки». Сразу догадалась, что к чему. Мужик на самом деле был Семеном Цвигуном, заместителем Председателя могущественного КГБ. На работе человек.

Наконец, они приходят в пивную на втором этаже. На первом огромная лужа, около которой сидит на трофейном гнутом венском стуле седая бабушка и что-то вяжет. На самом деле это не просто старуха, это символ эпохи, видный только через призму времени. Очки у нее на носу, у ведьмы.

- Вы бы, бабуля, взяли бы тряпку-то, да вытерли лужу, - наставительно говорит ей Рая.

Бабка моментально окидывает ее взглядом и беренчит: « Чичас. Для тебе. Для пезды».

Компания стушевывается и уже молча поднимается на второй этаж. В лестничном пролете их встречаетgrossмейстер Виктор Львович Хенкин с приставленным к губам пальцем. Хенкин шепотом предупреждает - « Идите скорей! Там... Там чудо!..»

- Виктор Львович, да вы уже затрахаили всех с этой линией Маннергейма. Уже все Северное Тушино знает, как вы ее пересекали, неся на себе тело командира взвода разведки. Перейдите, пожалуйста, в Южное.
- Вот, молодежь. Нет вам веры. Бабка внизу, что, не предупреждала?
- Чтобы вас дети на старости лет так предупреждали, уважаемый 64.
- Ха-ха-ха. Она у меня в прошлый раз в Домжуре чекушку попыталась забрать. Орала: « Мои дети фронтовики». Ее дети - фронтовики! А с какой стороны воевали? И вообще, кому ты это орешь? Мне?! Да я, когда мы линию Маннергейма пересекали, взводного на себе нес. Ну

нажрался Серега от переживания момента, и что теперь?! Этой бляди теперь чекушку отдать?! И вот за этим я всю войну прошел, у меня ранение, почти как у Джейка, помните «Фиесту», но, слава Богу, несколько сантиметров вправо, и дети хорошие пошли, Мишка в синагоге сейчас заправляет, хороший лысый парень, никаких пейс. Так вы ничего еще не знаете?

- Что, что мы должны знать? Что у вас от старости яйца начали синеть?
- Это ложь.
- Докажите.
- Сейчас не время. Ну, хорошо. Тогда пусть это будет радостным сюрпризом, девочки.
- Мы то девочки, а вот вы.... Слушайте, а че так тихо? Неужели и здесь мильтоны новый порядок навели?

Они заходят в обширную аудиторию, заставленную пивными автоматами. К каждому из них стоит очередь из аккуратных мужчин. Они молчат. Они все молчат. Только слышно, как журчит пиво в утробах автоматов. Девушки, человек, который представляет интересы Горбачева, Климонтовича, Гандлевского и Кибирова, загадочный Хенкин, становятся в одну из очередей и невольно тоже замолкают. И только когда подходят к вожделенному Сезаму, зажав в похмельных ладонях 20 копеечные монеты, им становится ясно немота друзей вокруг, нервная радость Хенкина. Автоматы дают пиво без монет. Через равные промежутки порция выливается сама собой, произвольно, без насилия со стороны финансовых институтов. Которых, в этой стране, кстати, в те времена еще и не было вовсе.

- Это как же?! Олимпиада?! - Потрясенно шепчут девушки.
- Тсс, - так же тихо отвечает им Хенкин, - сбой в системе. Не дай Бог мастер допрет! Тихо!

И зал тихо пьет свое пиво. Вдруг до Раи доходит. Она шепчет Хенкину.

- Вот вы умный, умный, Виктор Львович, а, извините, дурак. Мастер сейчас допрет, что в зале тихо. И выйдет посмотреть...

Но Хенкин был разведчик. Больше разведчик, чем гроссмейстер. Он поставил Раю на стол и приказал: «Семафорь»! Рая начала подавать сигналы своими красивыми руками. Зал читал, беззвучно повторял месседж : «Бросим пить, курить, трррр дефис епать...»

- Станем спортом заниматься, - закричали аккуратные мужчины, - ты, это, девка брось! Тут ведь есть, кто всю войну прошел! А есть, и зону! И живы остались! А теперь, вот, значит, куда - спортом! Шалишь. Бог, он все видит...

- Это верно, - соглашается Леонид Ильич, - вижу. А вот ты, генерал... генерал-майор. Че, разве не понятно, что уже время мозельского?! А мастеру еще рано выходить на сцену. Как Андропов?

- Уже в кабинете, экселенц.
- Уровень интриг?
- Зеленый, товарищ маршал.
- Зеленый, говоришь!? Сшас, сшас... Где же этот Валерио? Поплатится он когда-нибудь у меня за опоздания. Ладно, давай текущее. Ну, тащи разблюдовку.

Помощник дает Леониду Ильичу большой разграфленный ватман. Генсек, закрыв глаза, тычет наугад пальцем

- Польша, экселенц.

- Брось ты это низкопоклонство, - морщится Брежнев, - зови меня...

Тут с ним что-то происходит. Он прячет от генерала глаза в пол, и неуверенно говорит: «Зови меня...Хозяином».

- Земли русской?

- Да я не в этом смысле, - испуганно стонет генсек, - хотя... Ну, да.

- Польша, Хозяин. Гомулка опять готовится к встрече Папы Иоанна 2. Может, подготовить одну дивизию, на всякий случай?

- Вот у меня один командир был, так он, про таких, как ты, говорил : «твою дивизию, вашу мать». Какие проблемы?

- Не могут придумать официальный девиз для встречи в верхах.

- Ну-ка налей. Да не вино, не вино. Плесни вискаря полтинничек.

- Леонид Ильич. Ну вы же знаете, решение Политбюро. Вам виски только после четырнадцати.

- Вот знаешь, генерал, сразу видно, что ты на фронте делал. Писарем служил, да?! Каптенармусом? Или вообще в обозе?!

- Ну знаете, Хозяин! Я в трех штыковых был и в одной рукопашной!

- И вот эти знания о тебе порождают во мне многие печали. Если уж такие офицеры боятся какого-то сраного Политбюро...

- Ладно. Но только вместе.

- Молодец. Генерал армии.

Они выпивают. Брежнев щелкает пальцами и говорит: « Значит, так. Лозунг им нужен. Папу Римского они ждут. Записывай - «Пролетарии всех стран, ради Бога, соединяйтесь!»

- Гениально, - бурчит генерал.

- И придумал бы я его без виски, а, генерал? Да не в жизнь. Наливай...

Они выпивают. Брежнев спохватывается.

— - Про Тушино - то забыли!

В зал влетает фурия - старушка с очками на носу с первого этажа, и орет страшным голосом : «Хенде хох! Проверка документов! За невыполнение расстрел! Аусвайс! Аусвайс! В ЦК КПСС нашей партии!»

— - Опять ей кто-то налил, - говорит Хенкин, - там же табличка висит - «Бабке не наливать! За нарушение штраф 5 рублей». Вот народ! Пять рублей для них уже не деньги. Раньше на них целый вечер в саду «Эрмитаж» провести можно было. Ну, вот теперь терпите эту отрыжку оккупации.

- Что, правда, что ли, насчет «Эрмитажа», - спрашивает Брежнев.

- Не врет. Я даже на три умудрялся с барышней посидеть. - Отвечает генерал-помощник.

- Вот народ. И чего жалуется. Такая страна у нас. Благополучная.

- Так точно, - подтверждает помощник, - Правда, тут от барышни много зависит. Хозяин, звонит Валерио со стадиона «Динамо». Просит подтверждение на начало операции «Олимпиада».

- Ну какое подтверждение. Такие решения принимаются единолично. А мы потом на секретариате ЦК утвердим.

- Так чо, давать отмашку? - Переспрашивает генерал.

- Давно на гауптвахте не были, генерал?

— - Понял, Хозяин. (Говорит в микрофон) : « Валерио передать по фельдсвязи - «Залп!»

Человек, якобы представляющий интересы Горбачева, Климонтовича, Гандлевского и Кибирова берет ведьму за шиворот и сбрасывает по лестнице на ее рабочее место. Бабка попадает точно на стул, ерзает, усаживаясь поудобней, вновь начинает вязать, ворча под нос : «Ми фас не путем пить! Ми фас путем немножко фешать! Такой молодой Ленин! В рот бы их всех! Послал Бог начальничка, прости Господи!» В пивной устанавливается благоприятный климат. Хенкин пьет машинально, о чем - то глубоко задумавшись. Наверное, проникательный читатель, памятуя, что он не только разведчик, но и гроссмейстер, решит - решает гамбиты Виктор Львович. Но девочки знают его лучше всех.

- Никак не может решить - с кого из нас сегодня начать, - по матерински улыбаются они. И это чистая правда.

А в это время в аудиторию входит высокий спортивный человек в сером твидовом пиджаке, синей гарвардской рубашке и стальных дакроновых брюках. В руках у него передатчик «воки-токи».

- Валерио! - Выдыхает пивная. Человек улыбается ослепительной улыбкой и шепчет в передатчик: « Стадион! Стадион! Операция «Олимпиада»! Вызываю огонь на себя! Пивная в Северном Тушино. Тамару Пресс на позицию! Внимание! Тамара! Тамара! Залп!»

На «Динамо» марафонистая мужская женщина Тамара Пресс раскручивается вокруг собственной оси со страшной скоростью. В руке у нее диск.

В Кремле Леонид Ильич с генералом пьют виски из горлышка, в страшном напряжении, не отрывая глаз от монитора.

На улицах города темнеет, останавливаются троллейбусы, тормозит подземка, прерывают гусиный бег марафонисты. Проснулся, наконец, в своей камерке пьяный пивной мастер. Перестал печатать на машинке передовую в номер редактор из газеты «Советская культура» Соломон Бик, который - о, это страшная тайна есть! - и является в другой жизни Василием Шмаровозом...

Но, чу! Летит диск над притихшим городом. За диском летит Тамара Пресс. Диск разбивает среднее окно в пивной, с визгом врывается в аудиторию...

За секунду до этого, Виктор Львович Хенкин, уже совсем было собравшийся пойти пописать, наконец-то, замер, а потом жутко прошептал : « Все под столики! Внимание! Все под столики! Эта сторона опасна при артобстреле!»

И его послушались. Доверились тонкой интуиции разведчика. А девочки на всякий случай накрыли фронтовика своими и чужими телами. Через мгновение на них со звериным воем упала Тамара Пресс.

Леонид Ильич с помощником сидели, потрясенные случившимся. На глазах сначала у генсека, а потом и у помощника, появились слезы.

- Какая страна! Какая страна! Великая Русь! Все рекорды наши! – Плакал Леонид Ильич.

- Оформим как решение секретариата ЦК? Или Политбюро? - Рыдал генерал – помощник.

Душно заплакал от жалости к себе пивной мастер. Его автоматы равнодушно продолжали работать бесплатно. Олимпийская чемпионка сидела на коленях Виктора

Львовича Хенкина, гроссмейстера и фронтового разведчика, и беззастенчиво лакала из его кружки, вульгарно хихикая басом. Маруся, Роза, Рая с неодобрением смотрели на них. Страдал от раздвоения личности в президиуме партсобрания редакции Соломон Бик. Сидел на гнущем венском стуле Валерио, внимательно наблюдая за каргой, которая, вытирая лужу, приговаривала : «И ходят, и ходят, и ходят...» Он ломал голову, как ему списать болтающиеся на балансе отделения 543 доллара, которые эта престарелая куртизанка незнамо куда зафуфырила в прошлогодней командировке в княжестве Лихтенштейн. Снаружи слышался шум – в пивную заскочили на минутку мужчины – марафонисты. С самоубийственной тоской устраивался поудобней мужчина, представляющий интересы. Народ лежал, пил пиво, курил, безмолвствовал.